

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ЕЖИ КАЛИШАНА
И ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ПОЛЬСКОЙ РУСИСТИКИ
(НА МАТЕРИАЛЕ МОНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ УЧЕНОГО)

LINGUISTIC PHILOSOPHY OF JERZY KALISZAN
AND HIS CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT
OF RUSSIAN STUDIES IN POLAND
(BASED ON THE MONOGRAPHIC RESEARCH OF THE SCHOLAR)

TETIANA KOSMEDA

ABSTRACT. The article sets out to analyze Jerzy Kaliszan's linguistic philosophy focused on the field of word-formation and based on the triple unity of philosophy of the language (semantics, syntax and pragmatics), systemic character and functionalism. Intertextuality of the academic speech of the scholar is influenced by classical Slavonic linguistic conceptions, leading representatives of linguistics of the second part of the 20th century, as well as key theoretical investigations of the late 20th – early 21 centuries. The idiolect of the scholar is marked with brevity, laconism, condensed content, well-structured text, depth and expressiveness, persuasive argumentation, breadth of the material used, refined stylistics, scholarly courage, topicality of the problems discussed, prognostic insights.

Keywords: intertextuality, scholarly idiostyle, systemic character, philosophy of the language, functionalism

Tetiana Kosmeda, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań – Polska, tkosmeda@gmail.com

Ежи Калишан — известный польский русист, чье научное творчество последовательно спроектировано на развитие русской дериватологии с учетом ее многоаспектности: это историческое и синхронное словообразование, словообразование в аспекте лексикологии и грамматики, проблемы словообразования и формообразования, сопоставительное словообразование с актуализацией, кроме русского, еще и польского языка. Рассматриваются системные связи в аспекте морфемки — синонимия, омонимия, полисемия морфем, процесс заимствования и адаптации иноязычных морфем и под. Указанная проблематика отражена в пяти фундаментальных монографиях ученого [Kaliszan 1980, 1986, 1997, 2000, 2005] и одном словаре [Kaliszan 2015].

Уникальность исследовательского стиля Ежи Калишана — краткость (все монографии небольшие по объему — от 80 до 150 страниц: от 5 до 8 печатных листов) и емкость, конденсация содержания, поражающая четкость структурирования научных работ большого жанра, скрупулезность, глубина и выразительность изложения, последовательная и убедительная аргументация, кропотливая работа над терминологией, широта исследовательского материала, строгая научная методика, изысканная стилистика, научная смелость и актуальность проблематики научных разысканий, не исчезающая со временем (после выхода первой монографии прошло около 40 лет), а еще — прогностическая прозорливость и стремление максимально всесторонне представить проблему, обязательно выразив личное отношение к ней, что подтверждается большим количеством комментариев, представленных, в частности, и в примечаниях, например, лишь в своей первой монографии (1980) ученый оформил 195 примечаний. Кроме того, практически каждая монография заканчивается перечнем исследуемых единиц, списком анализируемых слов.

Перечисленные черты позволяют отнести научное наследие Ежи Калишана к классическому, а самого автора причислить к корифеям, классикам польской русистики.

Особое внимание обратим и на научную интертекстуальность автора, его „научный вкус“, умение предвидеть особенности развития лингвистической мысли, ибо лингвистическое мировоззрение исследователя формировалось и развивалось на основании изучения работ классиков славянского языкознания (И. Бодуэн де Куртенэ, В. А. Богородицкий, Л. А. Булаховский, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, А. А. Потенба, А. И. Смирницкий, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, Л. В. Щерба) и современных ему славистов (Ю. Ю. Авилиани, А. А. Брагина, В. Н. Виноградова, М. Докулил, А. Едличка, Е. П. Жуков, А. Ф. Журавлев, А. В. Исаченко, В. А. Ицкович, Л. А. Капанадзе, О. А. Крылова, К. А. Левковская, В. И. Максимов, Л. А. Новиков, И. М. Полякова, З. А. Потиха, Й. Рожичка, Н. А. Янко-Триницкая и др.), труды многих из которых лишь со временем приобрели чрезвычайно высокий авторитет в славянском языкознании (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, О. С. Ахманова, В. В. Бабайцева, А. В. Бондарко, В. Г. Гак, А. А. Зализняк, Е. А. Земская, А. А. Колесников, Л. П. Крысин, Е. С. Кубрякова, В. В. Лопатин, Ю. С. Маслов, И. Г. Милославский, В. А. Плунгян, И. Ф. Протченко, В. М. Солнцев, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия, А. Н. Тихонов, И. С. Улуханов, Н. М. Шанский, Д. Н. Шмелев): Ежи Калишан сумел предугадать их значительную роль для развития науки о языке, поэтому популяризация идей названных ученых в польской русистике — также большая заслуга автора, ибо он привлекал внимание молодых

исследователей к ключевым языковедческим работам конкретной эпохи в лингвистике. Вместе с тем заслугой исследователя является и то, что он знакомил русистов славянского мира с актуальными работами польских ученых (А. Бартошевич, Д. Буттлер, Р. Гжегорчикова, В. Дорошевски, Л. Писарек, Х. Саткевич, Я. Токарски, Б. Шиманек). Отметим также, что ученый использует концептуальные идеи не только русистов (шире – славистов) России и Польши, о которых речь шла выше, но и известных сегодня славистов Украины, многие из которых уже стали легендой украинского языкознания (Е. Г. Городенская, А. А. Грищенко, М. А. Жовтобрюх, М. А. Карпенко, И. И. Ковалик, А. В. Мамрак, Л. Ф. Омельченко, В. М. Русановский, Т. А. Тулина, Г. П. Цыганенко, Т. К. Черторижская).

Внимание ученого привлекали малоисследованные проблемы, в частности его первая монография (1980) посвящена комплексному анализу интернациональных препозитивных морфем греко-латинского происхождения в современном русском и польском словообразовании. Данное исследование, как представляется, и сегодня остается одним из немногих работ в русистике, посвященных анализу заимствованных приставок греческого и латинского происхождения. Ученый предвидел их словообразовательный потенциал, в частности Ежи Калишан сумел предугадать „большое будущее” приставки *супер-*, ср.:

Однако, несмотря на конкуренцию со стороны префикса *сверх-*, образования с префиксом *супер-* встречаются в русском языке все чаще и чаще. В связи с этим, не без значения остается влияние на русский язык некоторых западноевропейских языков, где аналогичные структуры весьма распространены и частотны [Kaliszan 1980: 38].

Названная приставка сегодня превратилась в самостоятельную лексему и получила широкую активность функционирования, продолжая развивать свою полисемию. Сказанное касается и приставок *экстра-*, *анти-*, *псевдо-*, *ультра-*, *сюр-* и др. Представить такую лингвистическую перспективу ученому удалось, несмотря на то, что в то время среди лингвистов бытовали противоречивые мнения по этому вопросу: одни считали рассматриваемые приставки продуктивными, другие малопродуктивными, а третьи – вовсе непродуктивными.

Уже в оглавлении со свойственной исследователю скрупулезностью, научной аккуратностью и четкостью эксплицитно представлен перечень поставленных задач – описать морфемный статус исследуемых словообразовательных компонентов, специфику их структурно-функциональных особенностей и семантики. Здесь рассмотрены префиксы, выражающие значение противоположности (*а-*, *анти-*, *де-*, *дис-*, *контр-*), интенсивности (*архи-*, *супер-*, *гипер-*, *ультра-*, *экстра-*, *сюр-*), ложности (*псевдо-*, *квази-*, *пара-*), уменьшительности (*микро-*, *мини-*), имею-

щие пространственное и/или временное значение (*интер-, транс-, суб-, пре-, пост-*), а также семантически изолированные приставки (*вице-, экс-, ко-, пан-, ре-, суб-*). Ученый поставил конкретную цель —

проследить [...] сходства и различия в активности названных препозитивных интернациональных морфем и в характере их системных связей в современном русском и польском языках, а также определить роль и место этих морфем как единиц словообразовательного уровня в русском и польском словопроизводстве [там же: 4].

Кроме того, представить сопоставительное изучение тех черт и явлений, которые явились непосредственным результатом активизации указанных иноязычных элементов в системе русского и польского языков. И этой цели ученый успешно достиг, решив ее на значительном в количественном отношении материале.

Подчеркнем, что актуализация элементов метода статистического анализа — характерная черта лингвиста. В частности, в анализируемой монографии языковед привлек к анализу 2011 русских и 2345 польских дериватов, среди которых, соответственно, 1397 и 1490 — имена существительные, 553 и 731 — имена прилагательные, 47 и 81 — глаголы, 14 и 43 — наречия, что дает возможность увидеть частеречную регулярность анализируемых структурных единиц, специфику из валентности.

Проведенный анализ позволил сделать ученому важные для науки выводы о деривационных возможностях префиксов греческого и латинского происхождения, характерных тенденциях использования указанных морфем в русском и польском словообразовании, в частности и о том, что

определенное сходство в функционировании проанализированных иноязычных препозитивных морфем в словообразовательных системах русского и польского языков наблюдается в области стилистической дистрибуции этих морфем. Так, например, морфемы *a-, de-, интер-, ко-, пре-, ре-* присоединяются в обоих языках почти исключительно к словам, заимствованным из классических языков, явно избегая сочетаемости с исконными русскими или польскими словами [там же: 69];

при этом „имеются такие иноязычные препозитивные морфемы, которые и в русском, и в польском словообразовании могут свободно сочетаться со словами различного стилистического характера, не предъявляя одновременно никаких особых требований к семантике этих слов” [там же: 70]; кроме этого,

в русском и польском языках на наших глазах происходит процесс освоения новых словообразовательных типов, например, *мини* + существительное, *микро* + существительное (вне терминологии), а также процесс активизации

словообразовательных типов, имеющих как в русском, так и в польском словообразовании уже определенные традиции. Так, например, судя по лексикографическим данным, заметно расширяется круг русских и польских образований с префиксами *анти-*, *псевдо-*, *де-*, *супер-*, *ре-* и некот. др. Все более активным становится также префикс *транс-* как средство пространственной характеристики [там же].

Отмечены исследователем и определенные расхождения, касающиеся „продуктивности отдельных морфем на русской и польской почве“, а также своеобразие словообразовательной конкуренции исконных и иноязычных префиксов.

Важными являются наблюдения автора, спроецированные на проблему агглютинативного построения слова, что отражает яркую тенденцию в сфере интернациональной префиксации. В этом случае исследователь также прогностично увидел одно из продуктивных явлений словопроизводства, имеющее место в современных славянских языках, специфически сегодня проявляющееся в моделировании текстовой прагматики и эстетики (ср. слитное написание фраз в текстах, характерных для постмодернизма), не нашедшее, однако, должного осмысления в современном языкознании.

Как представляется, некоторые теоретические положения, представленные в монографии *Интернациональные препозитивные морфемы греко-латинского происхождения в современном русском и польском словообразовании*, в полной мере еще не актуализированы, в частности, в проекции на проблематику лингвистической аксиологии, лингвоэмоциологии, терминологии, ибо ценными являются наблюдения исследователя, касающиеся роли в языке префиксов *псевдо-*, *квази-* и *пара-* со значением ложности (мнимости, неистинности, фиктивности, иллюзорности), ибо образования, структурными компонентами которых являются перечисленные морфемы, продуктивны в современной публицистике, которая сегодня наиболее последовательно отражает основные тенденции развития славянских языков. Эти препозитивные структурные единицы слова влияют на моделирование отрицательных смыслов, им свойствен высокий уровень экспрессивно-эмоциональной окрашенности.

Широко представлены образования с названными префиксами в пределах терминологической лексики, в частности в общественно-политической, химической, физической, медицинской и геологической терминологии, что, безусловно, связано с тенденцией к интернационализации терминологических подсистем отдельных языков в условиях глобализации.

Не менее актуальной проблеме современного языкознания посвящена и следующая монография Е. Калишана — *Семантико-конденсацион-*

ная универбация составных наименований в современном русском языке [Kaliszan 1986], поскольку сегодня не исчез интерес „к комплексу явлений, связанных с упрощением формальной структуры многословных наименований субстантивного значения, функционирующих на правах единиц лексического уровня, и с превращением их в референциально тождественные однословные знаки” [там же: 3], отраженный в свете известного в языкознании закона универбации и семантической конденсации.

Собственно, как предвидел Е. Калишан, термины „универбация” и „семантическая конденсация” стали наиболее распространенными в современной славистике обозначениями процессов трансформации аналитических наименований в семантически эквивалентные им цельнооформленные единицы [там же: 4].

В этой монографии исследователь снова попытался описать явление, глобального исследования которого в языкознании в то время не существовало. Автор поставил важную для теории словообразования цель — классифицировать и описать факты „семантико-конденсационной универбации аналитических наименований субстантивной семантики в современном русском языке” [там же]. В свойственной для автора манере он традиционно на широком языковом материале (картотека составляет свыше 1800 универбатов-конденсатов) проанализировал и описал типичные для русского языка универбационно-конденсационные операции, структурно-семантические отношения, возникающие между универбатами-конденсатами и соответствующими составными наименованиями, определил типы „свертываемых” значений, выделив наиболее заметные в количественном отношении семантические группы однословных наименований, а также представил емкую, но при этом краткую характеристику системы стилистических средств этого рода единиц.

Обратил внимание исследователь и на проблему „соотношения универбатов-конденсатов как единиц трансноминативного типа и формально совпадающих с ними производных единиц, обладающих первичной номинативной функцией” [там же: 5]. Он поднял проблему идиоматичности лексического значения. И в этом случае иллюстрируется характерный для ученого комплексный подход к исследуемому вопросу.

Кроме этого, в монографических исследованиях Ежи Калишана отражается такой современный принцип научных разысканий, как междисциплинарность, поскольку ученый справедливо и прозорливо подчеркивает важность психолингвистического подхода к изучению проблем словообразования. Он считает, что принцип экономии языковых средств базируется на психологических факторах, прежде всего

на факторе саморегуляции количества морфем и слогов в пределах, оптимальных для оперативной памяти человека, ибо

емкость оперативной памяти накладывает известные ограничения как на количество морфем в слове или эквивалентной ему составной единице, т. е. на его глубину, так и на количество слогов в нем, т. е. на его длину. В результате сложных лингвopsихологических экспериментов, опирающихся на гипотезу глубины В. Ингве, касающуюся уровня предложений и перенесенную затем В. А. Московичем на уровень слова, было обнаружено, что наибольшее количество слов русского языка заключено в интервале от 2 до 5 морфем и от 2 до 5 слогов, из чего был сделан вывод, что эти параметры определяют оптимальную для оперативной памяти глубину и длину лексических единиц. Процессы свертывания и укорачивания расчлененных единиц номинации определяют движение лексического состава русского языка, обогащают синонимические ресурсы способов выражения, их стилистическое разнообразие [там же: 85].

Вывод ученого однозначен: универбы моделируют „напряженность“ семантики.

Третья монография Ежи Калишана посвящена одному из сложнейших вопросов языкознания — омонимии [Kaliszan 1997]. Исследователь рассматривает спорные вопросы квалификации омонимии производных слов, сравнивая их с так называемой словообразовательной омонимией, представляет типологию омонимии производных слов с учетом субстантивных, адъективных и глагольных типов омонимии.

Авторское внимание привлекают многочисленные и разнообразные факты одноименности лексем, которые имплицитно порождаются структурными возможностями языковой системы — это „явления производной лексической омонимии, т. е. омонимии, обуславливаемой словообразовательной системой русского языка, его живыми и продуктивными приемами морфологического словопроизводства“ [там же: 127].

Ученый приходит к однозначному выводу о том, что системное ядро „русской производной омонимии составляет омонимия однокоренных слов“, „прослеживается исключительно важная роль глагола как части речи с его широко развитыми возможностями префиксального словопроизводства“, ибо

именно префиксальные глаголы являются организационным центром, структурным фундаментом, не только глагольной омонимии, чего естественно и ожидать, но и субстантивной (отглагольной) омонимии, в частности отраженной омонимии, которую, судя по исключительному богатству ее реальных примеров, можно считать самой продуктивной и наиболее открытой областью современного русского омообразования [там же: 128–129].

Ученый снова приходит к глобальному выводу о том, что

словообразование является богатейшим и наиболее эффективным источником русской лексической омонимии и что производная омонимия как явление живое, активно развивающееся, во много раз превышает возможности „классической“, непроизводной омонимии — как гетерогенной (этимологической), так и омогенной (семантической, представляющей результат автономизации значений многозначных слов) [там же: 129].

Логическим итогом работы автора над проблемой омонимии является его *Словарь омографов русского языка производных слов в русском языке* [см. Kaliszan 2015], который представляет собой первую в русистике попытку „продолжения и исчерпывающего расширения составленного О. А. Ахмановой [...] инвентаря словарных омографических форм, приложенного к ее *Словарю омонимов русского языка* (Москва 1974) и включившего всего лишь около 150 словесных объединений” [там же: 17]. В этом словаре исследователь описал 546 гнезд, включающих 697 пар омографов.

Со свойственной ему скрупулезностью во вводных статьях к словарю *О русских омографах и Источники, состав и структура словаря* Ежи Калишан представил авторскую концепцию, согласно которой этот словарь является гнездовым параметрическим (разработана специальная система стилистических помет) словарем, в котором

гнезда делятся на элементарные, содержащие одну пару омографов, и неэлементарные, включающие от двух до девяти пар омографов. Неэлементарные гнезда состоят минимум из трех и максимум из семи заглавных слов. В них омографически противопоставлены либо одно слово двум или более словам, образующим омонимический ряд, либо слова одного омонимического ряда словам другого омонимического ряда. Члены омонимических словесных рядов занумерованы римскими цифрами. В омографические отношения, отраженные в словаре, входят слова 9 грамматических классов: существительные, прилагательные, глаголы, наречия, предикативы, союзы, предлоги, частицы, междометия, а также — как особый грамматический класс — вводные слова [там же: 18–19].

Как видим, ученый избрал для классификационной грамматической характеристики синкретичный подход, поскольку учел частеречную принадлежность слов, фрагментарно отраженную в академический грамматиках русского языка (разграничивает наречия и предикативы) и в классификациях некоторых ученых, в частности В. В. Виноградова, выделявшего вводные слова как самостоятельный лексико-грамматический класс слов.

Этот словарь является значительным вкладом в развитие теории и практики современной лексикографии. Он имеет большое приклад-

ное значение, ибо важен для практики преподавания русского языка, в том числе и как иностранного.

Однако словарь требует некоторого усовершенствования, поскольку лексический состав русского языка подвергается динамике и в нем активно наблюдаются лексико-семантические процессы, развивающие новые значения (полисемия), влияющие и на изменение омонимии, в частности это касается репрезентации лексемы *баба*, где наблюдаем изменение семантики и стилистической нагрузки отдельных значений; не совсем точно представлена и лексема *вечерница*, поскольку не учтена форма *pluralia tantum* — *вечерницы*, — проникшая в русский язык под влиянием языка украинского. К тому же не совсем оправданным представляется отражение в этом словаре слов диалектных, региональных, не входящих в систему русского литературного языка. Примером этого является одно из омонимичных значений слова *вечерница* — ‘вечеринка деревенской молодежи’.

В монографии *Synonimia słowotwórczą rzeczowników w języku polskim i rosyjskim (na materiale nazw osób, czynności i cech abstrakcyjnych)* [Kaliszan 2000] последовательно актуализирован сравнительно-сопоставительный исследовательский метод: научное разыскание посвящено анализу явлений словообразовательной синонимии в сфере польской и русской субстантивной деривации. Автор рассматривает словообразовательную синонимиию как разновидность лексической синонимии, „дополнение” к „классической” лексической синонимии; предложена типология продуктивных разновидностей этого рода лексической синонимии; выделена система моделей словообразовательной синонимии, имеющая место в продуктивном классе слов, служащих для номинации лиц, действий и абстрактных признаков.

Ученый тщательно выделяет сходства и различия между фактами сопоставляемых языков, что выражается в способах реализации и степени распространения явлений субстантивной словообразовательной синонимии и рассуждает о конкуренции синонимичных словообразовательных типов.

Чрезвычайно важной представляется последняя монография Ежи Калишана, посвященная проблемам словообразования (лексическая морфология) и формообразования (грамматическая морфология) в русском языке: здесь рассматриваются векторы их взаимодействия, параллелизм (изоморфизм) [Kaliszan 2005].

Взаимосвязь, взаимодействие и взаимообусловленность словообразования и формообразования наблюдаются с точки зрения: (1) динамики и характера словообразовательных процессов, соотношения отдельных словопроизводственных типов и способов, выбора и продуктивности деривационных средств, что зависят от категориально-грамматиче-

ских свойств базовых (производящих) слов и (2) внутреннего динамизма грамматической системы, обусловленной действием словообразовательных процессов, выражаемых в качественном формировании и количественном наполнении отдельных ее категорий. Исследователь образно, используя яркие метафоры, отмечает, что „морфологическая система русского языка является ареной сложного пересечения, взаимопроникновения и взаимодействия фактов словообразования и формообразования” [там же: 71].

Как представляется, данное разыскание имеет выход в теорию гендерной лингвистики, поскольку ученый подробно рассматривает родообразующие морфемы – так называемые „мужские суффиксы”, при помощи которых образуются существительные мужского рода [там же: 35] (репертуар мужских суффиксов составляют в частности такие форманты, как: *-щик, -ник, -ик, -ист, -ец, -атор, -ак, -ач, -аж, -изм*), а также суффиксы со значением женскости, при помощи которых образуются феминитивы [там же: 36].

Завершая эту монографию, лингвист с оптимизмом подчеркивает, что

особенно крепко спаяны друг с другом словообразование и лексика, обнаруживающие исключительное богатство и разнообразие взаимосвязанных и взаимообусловленных явлений. Эти явления изучены недостаточно и с нетерпением ждут своего исчерпывающего и систематизированного описания [там же: 71].

Таким образом, Ежи Калишан уточняет и развивает теоретические положения лингвистики, свидетельствующие о том, что динамика лексического состава языка заключается в непосредственной реакции на изменение действительности, поэтому наблюдается систематическое совершенствование процессов номинации за счет модификации системы традиционных механизмов и моделей.

Исследователь прослеживает и описывает актуальные тенденции совершенствования и рационализации языка как сложного инструмента человеческого общения, прежде всего обращая внимание на тенденции, мотивированные процессами, направленными на (1) нейтрализацию противоречия между интерпретационно-описательным характером наименования и его знаковой функцией, (2) выработку формально-лексического единообразия, (3) стандартизацию словарных единиц, (4) регулярность внутриязыковых отношений, в частности семантико-парадигматическую и формально-лексическую регулярность, (5) выравнивание по аналогии, (5) замену согласования по форме согласованием по смыслу, (6) семантическую конденсацию, (7) рост агглютинативности, анализизма, (8) языковую интернационализацию, (9) экономию средств, направленную на реализацию структурной компрессии

текста, уменьшение длины потенциальных высказываний до определенной оптимальной величины, (10) стабилизацию отдельных языковых единиц и системы языка в целом.

Анализ монографических исследований Ежи Калишана свидетельствует о том, что ученый последовательно опирался на основные положения философии языка, базирующейся на триединстве семантики, синтактики и прагматики, целиком исповедуя системность и функционализм, последовательно проектируя эту методологию на современную дериватологию.

Для исследователя характерны такие важные черты ученого, как ощущение ответственности перед наукой и обществом, дисциплинированность мысли, бескомпромиссное отношение к поверхностным и априорным схемам, теоретический пафос, в каждом конкретном случае по-новому окрашивающий замысел. Высокий научный уровень его научных разысканий достигается ценой огромных усилий и высокой требовательностью к себе.

Ежи Калишан — яркая творческая индивидуальность, высококультурная и эрудированная личность; автор работ, которые стали неотъемлемой частью классического фонда польской русистики; ценным источником для постижения сущности языка как системы, естественного организма, способного к самоорганизации, языка как деятельности.

Библиография

- K a l i s z a n J. 1980. *Интернациональные препозитивные морфемы греко-латинского происхождения в современном русском и польском словообразовании*, Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM.
- K a l i s z a n J. 1986. *Семантико-конденсационная универбация составных наименований в современном русском языке*, Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM.
- K a l i s z a n J. 1997. *Омонимия производных слов в русском языке*, Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM.
- K a l i s z a n J. 2000. *Synonimia słowotwórczą rzeczowników w języku polskim i rosyjskim (na materiale nazw osób, czynności i cech abstrakcyjnych)*, Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM.
- K a l i s z a n J. 2005. *Словообразование и морфемика в русском языке*, Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM.
- K a l i s z a n J. 2015. *Словарь омографов русского языка производных слов в русском языке*, Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM.

